

«Никомаховой этики». Эта воля не может быть единой, если нет единого правителя, чья воля способна быть госпожой и руководительницей всех прочих. И если все вышеприведенное истинно, а это именно так, то для наилучшего состояния человеческого рода необходимо, чтобы в мире был монарх, а, следовательно, ради благосостояния мира должна существовать монархия.

XVI.

В пользу всех приведенных выше доводов свидетельствует достопамятный опыт, а именно то состояние смертных, которое Сын Божий, решив стать человеком ради спасения человека, предусмотрел или по желанию Своему установил. В самом деле, если мы припомним состояние людей и времена от падения прародителей, ставшего началом нашего уклонения от правого пути, мы не найдем мгновения, когда мир был бы повсюду совершенно спокойным, кроме как при божественном монархе Августе, когда существовала совершенная монархия. И что тогда человеческий род был счастлив, вкушая спокойствие всеобщего мира, об этом свидетельствуют все историки, знаменитые поэты, и о том же благоволил свидетельствовать летописец жизни Христовой, и, наконец, Павел назвал это блаженнейшее состояние «полнотою времен». Поистине время и во времени сущее было тогда полным, ибо ни одно средство нашего счастья не лишено было своего попечителя. А каким стал мир, когда цельная эта риза впервые была разодрана когтями алчности, об этом мы можем прочесть и – увы! – не можем это не видеть.

О род человеческий, сколько бурь и невзгод, сколько кораблекрушений должен был ты претерпеть, чтобы, обратясь в многоголовое чудовище, ты стал метаться в разные стороны! Оба твоих интеллекта, а вместе с ними и сердце поражены болезнью, ты не врачуешь свой верховный интеллект неоспоримыми доводами, и лицезрением опыта не лечишь свой интеллект подчиненный, и равным образом не исцеляешь сердце свое сладостью Божественного увещания, возглашающего тебе трубою Духа Святого: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»

Книга вторая

I.

«Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. „Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их“.

Так же как тогда, когда, не постигая сущности, мы обычно удивимся новому явлению, так, познав причину, мы смотрим свысока, словно осмеивая, на тех, кто пребывает в удивлении. Удивлялся некогда и я, что римский народ во Вселенной без всякого сопротивления взял верх, ибо при поверхностном взгляде я полагал, будто он достиг этого не по праву, а лишь силою оружия. Но после того, как я всмотрелся в самую глубину очами ума и постиг на основании убедительнейших признаков, что это совершено Божественным провидением, удивление мое прекратилось и его сменила некая насмешливая высокомерность, когда я узнал, что народы роптали против владычества римского народа, когда я увидел, что народы замышляли суетное, как и я сам когда-то, и когда, сверх того, я горевал, что короли и правители, единые в этом пороке, противились своему владыке и помазаннику римскому властителю. Вот почему, смеясь над ними, но не без некоторой скорби о славном народе и о Цезаре могу я повторить восклицание того, кто говорил Владыке неба: «Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное?»

Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его». Но так, как естественная любовь несовместима с длительным осмеянием, будучи подобна летнему солнцу, которое при своем восходе, рассеяв утренние облака, сияет своими лучами и предпочитает, отбросив осмеяние, проливать свет исправления, так и я, дабы расторгнуть узы неведения этих королей и правителей и показать, что род человеческий свободен от их оков, сам вместе со святейшим пророком обращаюсь к себе, предвосхищая последующее, со словами: «Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их». И то и другое будет сделано надлежащим образом,